

УДК 908 (929)

Маршрут: Череповец — Красноярский край — Туруханский край — Тарский уезд. Дороги жизни В. М. Гришенькина

Помыткина Вера Леонидовна,

архивист 1-й категории филиала Бюджетного учреждения Омской области
«Исторический архив Омской области» в г. Таре

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые этапы жизненного пути Владимира Михайловича Гришенькина. Значительное внимание уделяется его профессиональной деятельности. На основании фактов из биографии и оценки В. М. Гришенькиным своей деятельности прослеживается становление и развитие советского специалиста на фоне становления и развития советских милицеских и судебных органов.

Ключевые слова: В. М. Гришенькин, Гражданская война, Омск, Енисейская губернская милиция, Туруханский край, Тарский уезд, народный судья.

Север Омской области — уголок таежной Сибири, имеющий более чем 400-летнюю историю, расположенный вдали от областного города Омска, манит и притягивает своей провинциальной красотой.

Основная масса населения северных районов области попала на эту землю в силу разных причин. Только на протяжении наполненного событиями XX в. у нас обосновались переселенцы по Столыпинской реформе, — крестьяне из густонаселенных губерний Европейской России, белорусские крестьяне и крестьяне-самоходы. Все они прочно осели на всей территории современной Омской области. Первая мировая война «подарила» девятитысячной Таре тысячу военнопленных, — немцев, австрийцев, венгров, хорватов, поляков, румын и евреев. Раскулачивание крестьян и высылка их из родных мест оставила в Тарском и Васисском районах потомков людей, выживших на Кулае [2, с. 96].

Работая с архивными документами, мы часто сталкиваемся с фактами, когда специалисты высокого уровня приезжали, селились, трудились в наших краях, оставляя след в истории Тарского Прииртышья. Например, столетие назад, в Таре и окрестностях работали Владимир Леонидович Борман, — хирург, профессор, ученик известного ученого В. И. Разумовского (жил в Таре в 1926 г.), Федор Васильевич Мелехин, — основатель Омского областного музея изобразительных искусств (жил в Таре в 1931–1932 гг.) и т. д. [3, с. 56]. Что уж говорить о рядовых специалистах! Учителя и врачи из Москвы и Санкт-Петербурга, переехавшие в нашу глубинку, не были редкостью [4, с. 76].

Что же тянуло людей в наш край? Какие причины побуждали бросать родные места и ехать в этот, пусть красивый и загадочный, но дикий и далекий «медвежий угол»? Жажда научных открытий, семейные обстоятельства, романтика? У каждого были на то свои причины. Тем интереснее исследователю знакомиться с жизнью, деятельностью, биографией этих отчаянных и смелых людей.

Как известно нам, архивистам, самые ценные находки зачастую происходят случайно, в ходе работы по совершенно другому вопросу. Так было и в этот раз: рядовой

запрос, стандартный поиск и неожиданная персоналия, — Гришенькин Владимир Михайлович. В.М. Гришенькин — уроженец г. Череповца, начальник Енисейской губернской милиции, командующий Енисейской губернской бригадой территориальных войск советской рабоче-крестьянской милиции, особо уполномоченный по делам угольной промышленности Енисейской губернии, почетный член рудкома Коркинских каменноугольных копей, народный судья Туруханского края, член президиума Туруханского крайисполкома, заведующий отделом собеса Туруханского крайисполкома. Волею судьбы Владимир Михайлович в 1924 г. оказался в должности мирового судьи на одном из судебных участков большого Тарского уезда.

Какие же жизненные перипетии вынудили уже не юношу оставить должности и привычную, устоявшуюся жизнь и переехать за более чем тысячу километров от дома? На самом деле поворотный момент для таких масштабных изменений в судьбе до банальности прост и от этого особенно горек.

Передо мной личное дело нарсудьи 6-го участка Тарского уезда товарища Гришенькина Владимира Михайловича. В нем — выписки из протоколов, анкета работника юстиции, краткая автобиография (на шести листах!), написанная быстрым, стремительным, неразборчивым почерком, мандаты, удостоверения, делегатский билет, алфавитная карточка, отзыв о работе. На 30, пожелтевших от времени, местами выцветших, ломких при прикосновении листах, — жизнь одного из тысяч людей, кого судьба безжалостно бросала в круговорот исторических событий нашей огромной Родины. Чем хуже сохранность листов личного дела, тем сильнее контраст с чудом уцелевшей, отлично сохранившейся (по меркам века) черно-белой фотографией размером 5*5 см. На черном фоне — еще молодой (40 лет), статный мужчина в белой рубашке и галстуке. Спокойный, прямой взгляд, правильные черты лица, короткая стрижка [5, л. 6].

Гришенькин Владимир Михайлович родился в июне 1883 г. в г. Череповце. К 17 годам окончил сельскую школу и милицейское двухклассное училище в селе Ольхово Череповецкого уезда. Учился, но не окончил Череповецкое Александровское техническое училище.

С 1900 г. стал жить самостоятельно, в течение пяти лет служил в качестве кочегара, масленщика, помощника машиниста в пароходном обществе «Самолет» на Волге. С 1905 по 1907 г. находился на военной службе в Балтийском флоте (в г. Кронштадте). В течение десяти лет, с 1907 по 1917 г., жил в разных уголках необъятной Сибири, куда вынужден был уехать, спасаясь от ареста.

Первые два года пребывания в Сибири работал в производстве молочной продукции. В своей автобиографии Владимир Михайлович так описывает то время: «...В 1910 году, когда на небе появилась комета Галлея, когда умер Лев Николаевич Толстой, когда проявилась и стала размножаться по Сибири секта (именно секта) «Иоаннитов» (почитателей Кронштадтского дорогого батюшки), я совершил преступление, за кое был предан суду (Тобольскому окружному) по обвинению в богохульстве. Отбыв один месяц предварительного ареста и далее получив обвинительное постановление, я бежал от суда в Тарский уезд, где я, в одной из деревушек Крайчиковской волости провел одну зиму, уча крестьянских ребят...» [5, л. 9 об.].

В 1913 г. Манифестом в память и честь 300-летия Дома Романовых Владимир Михайлович был помилован за свое преступление. Он же, в ответ на это, совершает новое преступление, «оскорбляет их величество», за что снова попадает под суд Семипалатинского окружного суда по 102-й статье (государственное преступление). На тот момент он жил в селе Федоровском Павлодарского уезда. Снова он отбыл 1,5 месяца ареста и снова бежал. На этот раз на Алтай, где работал на золотых рудниках Усть-

Каменогорского уезда. «Ужасное то было время! Приходилось вести жизнь затравленного зверя. И ниоткуда, нигде не было видно спасения и просвета. «Буря ль бы грянула, что ли», — вот о чем приходилось тогда молить... И что же, буря пришла, настал 14-й год и принес собой не бурю, а целый ураган...» [5, л. 9 об.].

Весть о начале Первой мировой войны Гришенькин встретил в г. Верный (с 1927 г. — г. Алма-Ата, столица Казахской АССР) Павлодарского уезда Семипалатинской области. Попробовал пойти на фронт добровольцем, но его не взяли, так как «неблагонадежный». Вот как он вспоминает то время: «Пошли слухи о поражении наших армий и пленении из них целых корпусов. Разговариваем по этому поводу с одним из деревенских философов стариком Духобором, который, хитро посматривая на меня, говорил: «Ну так что же, не все ль равно, кто кого побьет, кто над кем возьмет верх, Вильгельм над Николаем или Николай над Вильгельмом. Ведь нам-то с тобой, и нам, крестьянам, безразлично, как именоваться, подданными «Николая» или подданными «Вильгельма». Работали и работаем сейчас на Николая, а потом, может, придется работать и на Вильгельма, тот и другой одинаково требуют от нас одного: работайте и платите налоги на наше содержание. Русский, немец, француз, австрияк, все они такие же люди, как и мы с тобой, все сыны божьи, сыны Адама».

Слыша такие стариковские рассуждения и слегка (именно слегка) вникнув в их значение (поверите?), я хлопнул себя по лбу и сказал себе: эх ты умен, ученый дурак... Слона-то ты и не различил, а как просто этот ларчик открывался...

Жив ли ты, мой добрый старый друг Духобор, поселка Верного Павлодарского уезда Семипалатинской области, Петр Васильевич Сухов? Доморощенный, деревенский ты был философ, всю свою жизнь ты ничего, не почему не изучал, читая лишь одну свою библию, и все же, несмотря на такую сумбурную по содержанию науку — книгу, ты чутьем, одним лишь внутренним чутьем дошел до великой идейной мысли, мысли о ненужности и вреде того, что называется национализмом, и тем самым, может быть, не отдавая себе отчета, подошел к другой великой идее, к идее братства народов, и идее интернационализма. Еще..., будь здоров. Если же ты умер, то мир праху твоему, ты недаром жил на свете» [5, л. 10].

И только в январе 1917 г., уже находясь в Самаре, Гришенькин смог попасть на Кавказский фронт, где поступил на должность машиниста депо станции Хорасан Сарыкамышской дороги. Активному, полному сил Владимиру было скучно и там. Извещение о революции встретил он там же. «От фронта далеко, жизнь однообразная, к ходу войны привыкли, но в воздухе что-то чуялось. Революция была близко. Прошла она у нас как-то незаметно. Сначала слухи, потом телеграмма о том, что «революция» уже идет, что-то так же от Временного Правительства, но, в общем, кроме «Николая», без перемен. Октябрь. Пролетарская Революция, «враги народов комиссаров», Советы. У нас же по-прежнему всё тихо» [5, л. 11].

Войска, к которым относился Гришенькин, были переброшены в Тифлис. «Война. События в Александровском саду. Объявлена мобилизация. Бегу по военнотифлисской дороге во Владикавказ, оттуда прямо в Сибирь, в Омск. Признаки готовящегося выступления белогвардейщины и чехословаковщины были замечены мною в дороге» [5, л. 11].

В начале апреля 1918 г. Владимир Михайлович вступил в ряды формируемой в Омске Красной армии. Тогда же он был назначен на слушание в первые Западно-сибирские курсы Красных командиров.

Летний Омск 1918 г., который становился из красного белым, хорошо описан в воспоминаниях Владимира Михайловича, который своими глазами видел те события: «Май-июнь месяцы: выступление чехов, захват ими Челябинска, переговоры,

...бой с чехами под ст. Марьяновка, тоже под с. Колумзино. Рано утром 9 июня, Омский Совет, захватив все пароходы, эвакуировался вниз по Иртышу.

Дом Республики в Омске занят белыми (9 июня 1918 года), я, вместе с другими командирами в числе 16 человек, сидим в Кадетском корпусе. Что делать? Город уже весь стал белым, на улицах много вооруженных офицеров.

Совещание. Решение: умрем, но не сдадимся. Идем на улицу. Строимся. Ружья наперевес. Два ручных пулемета в центре. Идти цепью, заняв всю улицу. Идем мимо Дома Республики. Входим на железный мост. Стреляют. Бегом за прикрытие — Часовню. Что делать? Захватить автомобили. Но гараж пуст. Под мостом проходит «Александр», он на парах. На пароход!..

Стрельба с обеих сторон. Ура, да здравствуют Советы!» [5, л. 11 об.].

Успев в последний момент на проходящий пароход, Гришенькин следующие два года посвятил борьбе с белогвардейцами. Кем он только не был! Был стрелком, пулеметчиком, командиром роты, военно-хозяйственным контроллером, членом парткома полка. Ранение, контузия и начавшийся тиф отправили его на две недели в госпиталь в г. Вятке (с 1934 г. — г. Киров). Потом, после выздоровления, оказался в Москве. Дальше была командировка в Тамбовскую губернию для работы среди крестьян. Со слов самого Владимира Михайловича, он распоряжением члена революционного военного Совета был поставлен временно исполнять обязанности военного следователя особого отдела 5-й армии Ивана Никитича Смирнова [5, л. 12].

В конце 1920 г. Гришенькин оказывается в Красноярске. Здесь его карьера идет в гору. Он поступает на службу в губернский исполнительный комитет в качестве заместителя начальника Енисейской губернской милиции, в декабре 1920 г. — начальник губернской милиции. В том же году принимает участие в 1-м Сибирском съезде начальников губернской милиции в г. Омске.

10 июня 1920 г. ВЦИК утвердил Положение о рабоче-крестьянской милиции, на основе которого из вооруженных частей милиции стали создаваться воинские части. В Енисейской губернии такая реорганизация произошла 10 декабря 1920 г., когда приказом Главного управления милиции Республики, начальник губернской милиции Гришенькин был назначен командующим Енисейской губернской бригадой территориальных войск советской рабоче-крестьянской милиции. В уездах Енисейской губернии на базе вооруженных частей уездно-городской милиции были развернуты отдельные сводные батальоны бригады. По числу уездов таких батальонов в губернии насчитывалось пять — Красноярский, Ачинский, Канский, Минусинский, Енисейский. Одной из главных задач превращения вооруженных частей милиции в воинские части было создание таких мобильных боевых частей, которые были бы в состоянии подавлять как крупные антисоветские выступления, так и выступления уголовных групп.

Однако реорганизация органов милиции в воинские подразделения на местах привела к ряду негативных моментов. Кадровый голод, недовольство милиционеров своим положением и несвойственными для них обязанностями приводили к нарушению дисциплины и законности, что выливалось в игнорирование служебными обязанностями, неподчинение, уклонение под всевозможными предлогами от выполнения приказов, «бессмысленные массовые самовольные расправы с контрреволюционными элементами и крестьянами». Причем такие настроения были характерны не только для рядовых милиционеров, но и для части командного состава. Учитывая предыдущие положительный и отрицательный опыты деятельности милиции, 8 июня 1921 г. Главное управление советской рабоче-крестьянской милиции

РСФСР отменило нормативные акты о проведении в жизнь организации милиции на основе Красной армии.

В соответствии с этим решением 1 августа 1921 г., приказом командующего бригадой Гришенькина В.М. Енисейская губернская бригада территориальных войск советской рабоче-крестьянской милиции была расформирована [1, с. 1].

В августе 1921 г. Гришенькин — особо уполномоченный по делам угольной промышленности губернии и почетный член рудкома Коркинских каменноугольных копей [5, л. 15].

Владимир Михайлович получает указание организовать курсы для командного состава милиции, с чем успешно справляется. Именно празднование с курсантами завершения курсов в октябре 1921 г. и становится для Гришенькина поворотным моментом в карьере. Об этом он подробно рассказывает в своей автобиографии:

«Парад, угощение, поздравления курсантов-командиров и их начальника. Хромой начальник (я) прослезился, его качают, он уходит к себе в комнату (холостая квартира), туда толпой врываются новоиспеченные командиры (все партийцы), в числе 13 человек. Снова качают. И тут... Дернул черт хромого дурака. Там осталось от начальства лекторьмы и других гостей, дай-ка я им предложу (больше угостить было нечем) кружку воды и кружку сп...а, за ваше, за наше, за то и за то, песни — Интернационал, и то, и другое. На утро же следующего дня было назначено собрание ячеек, чистка партии, выяснилось, что мы были пьяны, и хотя пьяных поступков не проявили, всё же факт тот, что пили (а ведь это тогда было смертное зло). Наказание грозит и новым командирам-курсантам, и мне... И скажите, что всему виною я один, вы не причем. Я же на собрание не пойду, пусть будет то, что будет. Голый факт..., пил сам и напоил курсантов... Долой его... Через несколько времени в «Красноярском рабочем» — исключен из партии, имя, за «пьянство». Опять смех и горе, и грусть, и печаль. Эх вы, скоропалительные люди, за пьянство, почему такое неверное, несоответствующее определение? Почему, не зная развитие в тот день и час..., только то количество алкоголя, последнее было бы правильно» [5, л. 13]

Благодаря поддержке друзей и близких, отличным рекомендациям начальства, Гришенькина принимают на работу в отдел юстиции, на должность добровольного судьи при Совнарсуде. В 1922 г. он был назначен народным судьей в Туруханский край, в этой должности пробыл до 1924 г. Одновременно был членом Президиума Туруханского крайисполкома, заведующим отделом собеса и председателем краевого Комитета взаимопомощи [5, л. 19].

Летом 1924 г. Владимир Михайлович увольняется с работы, а 8 октября он уже утверждён в должности запасного нарсудьи Тарского уезда [5, л. 23].

Для устройства на новом месте председатель и члены Туруханского краевого исполнительного комитета дали полную характеристику работе своего товарища:

«Тов. Гришенькин работает в крае на глазах исполкома один год, за этот период времени он проявил себя с самой лучшей стороны, как по прямой своей должности нарсудьи, так и по работе в исполкоме. В первом случае, им были положены громадные труды по поднятию дела и авторитета суда в крае на должную высоту, что им вполне и, безусловно, достигнуто.

Во втором случае, одновременно с должности нарсудьи также работал в качестве врид председателя крайисполкома на протяжении 4 месяцев в самых тяжелых для управленческого аппарата время голода и эпидемии, и в этом случае он проявил себя не только в поддержании одного порядка, но и в изыскании тех мер, которые были необходимы для возможного ослабления означенных явлений. В частной своей жизни тов. Гришенькин вел и ведет себя безукоризненно.

В общем, тов. Гришенькин представляет из себя весьма ценного работника вообще и здесь, в крае, в частности, и по своему служебному здесь положению вполне соответствует. Об идейной стороне его субъективного взгляда лучше всего свидетельствует его прошлое, заключающееся в непрерывной службе в Красной Армии с начала организации таковой до ликвидации восточного фронта в 1921 году» [5, л. 25].

В Тарском уезде Гришенькин Владимир Михайлович был назначен на должность народного судьи в Тевризский районный суд, где и проработал до весны 1926 г. [5, л. 31].

К сожалению, проследить дальнейшую судьбу Владимира Михайловича пока не удалось из-за отсутствия документов за дальнейший период. В «Похозяйственных карточках на домохозяев Тевризской волости Тевризского района» за 1926 г. народный судья Гришенькин проживал в Тевризе вместе с супругой, детей не было [6, л. 65]. Самые ранние из сохранившихся похозяйственных книг села Тевриз за 1934 г. говорят о том, что Гришенькины там уже не жили. Хочется верить, что дальше жизнь у него сложилась хорошо и сведения о нем еще удастся отыскать.

Завершим данную работу словами самого Владимира Михайловича: «...В довершение к изложенному добавлю, что теперь я женат, состою членом... Монри, Добролета, раб. кассы, и проч., и проч. Политически зрел. Не политиканствую, но зорко слежу и стараюсь улавливать все оттенки нашей внутренней и внешней политики и также заграницы. Подаю заявление в Уком о принятии в партию, чтобы хотя бы с кандидатским правом. Тяжело мне, военному коммунисту (даже довоенному), смотреть, как 20-летние смотрят на тебя, как на половину товарища, и, если бы не мое положение среди них, как знающего всё то, что они должны знать, а чего они в большей части не знают, то мне было бы плохо. Но со мной приходится считаться, и более того, относиться ко мне по-дружески, и по-товарищески, ибо этого (они знают) я достоин [5, л. 13].

Список источников и литературы

1. ГАКК «Государственный архив Красноярского края». Ф. Р-207. Оп. 1. Историческая справка к фонду, <https://catalog.krasarh.ru/object/33228> (дата обращения: 23.05.2025).
2. Помыткина В.Л. Миграционные процессы в Сибири: потенциал для генеалогических исследований в документах Тарского филиала Исторического архива Омской области // Генеалогия и архивы: материалы шестой Всерос. науч.-практ. конф./Сост., науч. ред. Н.А. Антипин. Челябинск, 2024. С. 96–100.
3. Помыткина В.Л. О хирургическом направлении в работе Тарской окружной больницы в 1926 году (к 100-летию Тарской больницы) // Таряне: литературно-краеведческий альманах. Вып. XIV. Омск: Амфора, 2022. С. 55–62.
4. Помыткина В.Л. Образование в провинции. Что беспокоило педагогов около ста лет назад // Таряне: литературно-краеведческий альманах. Вып. XII. Омск: Амфора, 2021. С. 76–88.
5. ТФ ГИАОО «Тарский филиал Государственного Исторического архива Омской области». Ф. Р-195. Оп. 2. Д. 26.
6. ТФ ГИАОО. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 39.